

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Грибы отца Самсония (с. Красноселовка, бывшее Кизил-Таш)

В те времена, когда Кизилташ был еще киновией, и все население его состояло из десятка монахов, епархиальное начальство прислало туда на епитимию некоего отца Самсония.

В киновии скоро полюбили нового иеромонаха, полюбили за его веселый, добрый нрав, за сердечную простоту и общительность. В свой черед и отец Самсоний привязался к обители, которой управлял тогда великой души человек — игумен Николай. Сроднился с горами, окружавшими высокой стеной монастырь; сжился с лесной глушью и навсегда остался в Кизилташе.

В монастырь редко кто заглядывал из богомольцев; соседи татары относились к нему враждебно, и монахам приходилось жить лишь тем, что они могли добыть своим личным трудом.

Только раза два-три в год наезжала помолиться Богу, а кстати, по ягоду и грибы, местная отузская помещица с семьей, и тогда дни эти были настоящим праздником для всех монахов и, особенно для отца Самсония.

Монахи слышали звонкие женские голоса, общались со свежими наезжими людьми, которые вносили в их серую, обыденную жизнь много радости и оживления. А отец Самсоний знал, как никто, все грибные и ягодные места, умел занять приветным словом дорогих гостей и потому пользовался в семье помещицы особым расположением.

Уезжая из обители, гости оставляли разные съедобные припасы, которые монахи экономно сберегали для торжественного случая.

Так шли годы, и как-то незаметно для себя и других, молодая, жизнерадостная помещица обратилась в хворую старуху, а отец Самсоний стал напоминать высохший на корню гриб, не нужный ни себе, ни людям. Почти не сходил он со своего крылечка, обвитого виноградной лозой. И если воскресал в нем прежний любитель грибного спорта, то только тогда, когда приезжали по грибы старые отузские друзья.

И вот однажды, когда настала грибная пора, игумен, угощая отца Самсония после церковной службы обычной рюмкой водки, сказал:

— По грибы больше не поведешь.

— Почему?

— Еле ноги волочит. Не дойду, говорит, а был ей будто сон: в тот год, когда по грибы не пойдет, — в тот год и помрет. Сокрушается.

Жаль стало отцу Самсонию, не из корысти, а от чистого сердца; сообразил он что-то и стал просить:

— А вы ее, отец игумен, все-таки уговорите; грибы будут сейчас за церковью, в дубняке.

— Насадишь, что ли? — усмехнулся отец Николай и обещал похлопотать.

И действительно помещица, к общему удивлению, собралась и приехала со всей семьей в монастырь.

Обрадовались все ей, радовалась и она, услышав знакомый благовест монастырского колокола. Точно легче стало на душе и притихла на время болезнь.

— Ну, вот и, слава Богу, — ликовал, потирая руки, отец Самсоний.

— Отдохните, в церкви помолитесь, а завтра по грибы. А сам с ночи отправился в грибную балку у лысой горы и к утру, когда еще все спали, успел посадить в дубняке, за церковью, целую корзину запеканок.

Только что кончил свои хлопоты, как ударил колокол. Перекрестился отец Самсоний и сел под развесистым дубом отдохнуть. От усталости старчески дрожали руки и ноги, и колыхалось, сжимаясь, одряхлевшее сердце. Но светло и радостно было на душе, потому что успел сделать все, как задумал. Глядишь, с верхней скальной кельи спускается суровый схимник, старец Геласий. Побавался отец Самсоний старца и избегал встречи с ним. Всегда всех корил Геласий и никто не видал, чтобы он когда-нибудь улыбнулся.

— Мирской суетой занимаешься. Обман пакостный придумываешь. Посвящение свое забыл. Тьфу, прости Господи, — отплюнулся старец и побрел в церковь.

Упало от этих слов сердце у отца Самсония, ушла куда-то светлая радость и не вернулась, когда очарованная старуха, срывая искусно засаженную запеканку, воскликнула:

— Ну, значит, еще мне суждено пожить. А я уж и не чаяла дотянуть.

— Да что с тобой, отец Самсоний, — добавила она, поглядев на Самсония.

— Нездоровится что-то. Состарился, сударыня. И хотел подбодриться, как видит, возвращается Геласий

из церкви, к ним присматривается. Остановился, погрозил пальцем.

— Где копал, там тебя скоро зароят. Испугался Самсоний пророческому слову старца. Всегда сбывалось оно. ... скоро зароят.

— Да что с тобой случилось, отец Самсоний, — допытывалась помещица, уезжая из монастыря.

А к ночи отец Самсоний почувствовал себя так плохо, что вызвал игумена и поведал ему о своем тяжком нездоровье, о том, как корил и что предрек ему Геласий и как беспокойно стало у него на душе.

— Ну, грех не велик, — успокаивал добрый игумен, — а за светлую радость людям тебя сам Бог наградит.

Пошел игумен к Геласию, просил успокоить болезнующего, но не вышло ничего. Отмалчивался Геласий и только, когда уходил игумен, бросил недобрым словом:

— На отпевание приду.

И случилось все так, как предсказал Геласий.

Недолго хворал отец Самсоний и почувствовал, что пришла смерть. Особоровали умирающего, простилась с ним братия, остался у постели один иеромонах и стал читать отходную.

Вдруг видит — поднялся на локтях Самсоний, откинулся к стене, а на стене висела вязка сухих грибов, и засветились они, точно венец вокруг лика святого. Вдохнул глубоко Самсоний и испустил дух.

Рассказали монахи друг другу об этом и стали коситься на Геласия, а Геласий трое суток, не отходя от гроба, клал земные поклоны, молился и шептал:

— Ушел грех, осталась святость. Как понять — не знали монахи, и была между ними тревога и жуть.

Еще больше пошло толков, когда, придя на девятый день к могиле отца Самсония, — а похоронили его, по указанию схимника, в дубняке, за церковью, — увидели, что у могильного креста выросли грибы.

Повырывал их Агафангел иеродиакон, игумен окропил место святой водой, соборно отслужили сугубую панихиду.

А на сороковой день повторилось то же, и не знали, что думать, — по греху ли, по святости совершается.

Пошли у монахов сны об отце Самсони; стали поговаривать, будто каждую ночь вырастают на могиле его грибы, а к последней звезде ангел Божий собирает их, и светится все кругом.

Стали замечать, что если больному отварить гриб, сорванный вблизи могилы, то тому становится лучше.

Так говорили все в один голос, и только Геласий схимник хранил гробовое молчание и никогда не вспоминал об отце Самсони.

И вот, как раз в полугодие кончины Самсония, случилась с Геласием беда. Упал, сходя с лестницы, сломал ногу и впал в беспамятство.

Собрались в келье старца монахи — не узнал никого Геласий, а когда игумен хотел его приобщить, оттолкнул чашу с дарами.

Скорбел игумен и молил Бога вразумить старца. Коснулась молитва души Геласия, поднялись веки его, принял святые дары, светло улыбнулся людям и чуть слышно прошептал:

— Помните грибы отца Самсония. То были святые грибы.